

Посвящается Стиву

Своим рельефом тело повторяет ландшафт. Они отражаются друг в друге и творят друг друга. На нас отпечаток сезонных обновлений земли, тяжелейших людских кочевий, резкого слома эпох, принесшего вместе с новым веком перемены, каких не знала эта цветущая планета.

*Меридел Лесюэр.
«Коренные и пришлые»**

---

* Перевод С. Котова.

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Если бы вы ехали на север по шоссе номер 686 со скоростью шестьдесят миль в час, то проскочили бы нашу ферму за одну минуту. И сразу попали бы на Кэбот-стрит, такую же неширокую асфальтированную дорогу, которая пятью милями западнее проходила через городок Кэбот, отчего и получила свое название. На западной окраине городка дорога переходила в шоссе, петляющее на протяжении трех миль вдоль изгибов реки Зебулон. Потом река поворачивала на юг, а шоссе уходило на запад в Пайк. Перед тем как влиться в Кэбот-стрит, шоссе номер 686 взбиралось на небольшой холм, еле заметный, но раздражающий — как выпуклость в центре дешевой тарелки.

Если не считать этого холма, местность в округе идеально ровная — под таким же идеально круглым куполом неба. Помню, в школе мне казалось (вопреки всем рассказам учителей об открытии Колумба), что древние не ошибались: ни глобус, ни карта не могли убедить меня в том, что Зебулон не является центром плоского мира. На этих бескрайних равнинах любое округлое тело (будь то зерно,

резиновый мячик или шарик подшипника) обречено прекратить движение и пустить мощный корень в плодородную почву.

Из-за того, что место пересечения двух дорог находилось на возвышенности, с него открывался прекрасный вид на наш дом, расположенный в миле от холма, на южной стороне фермы. На востоке, также на расстоянии мили, высились три силосные башни, которые отмечали северо-восточную границу наших земель. Окинув взглядом пространство от силосных башен до дома с сараем, вы бы смогли оценить масштабы владений моего отца: шестьсот сорок акров одним наделом, в собственности без обременения, рыхлый чернозем. Участок идеально ровный и плодородный, открытый всем стихиям, как и любой другой кусок земли под солнцем.

На западной стороне, вопреки ожиданиям, не открывалось никаких живописных видов: река Зебулон несла свои воды вдаль от раскинувшихся выше сельскохозяйственных угодий. Не было видно и крыш Кэбота, только ночью отдаленное свечение выдавало близость города. Все пространство на запад от дороги занимали бескрайние поля, среди которых расположились две фермы. Та, что поближе, принадлежала Эриксонам; у них были две дочери, наши с Роуз ровесницы. В той, что подальше, жили Кларки, чьи сыновья Лорен и Джесс перешли в среднюю школу, когда мы ее уже оканчивали. Гарольд Кларк считался лучшим другом моего отца. У него было пятьсот акров без обременения. А у Эриксонов всего триста шестьдесят акров, и те заложенные.

Количество акров и наличие кредитов в нашей местности — столь же неотъемлемая характеристика человека, как его имя и пол. Гарольд Кларк и отец часто спорили у нас на кухне, кому отойдет земля Эриксонов, когда с них взыщут залог. Я постоянно слышала эти разговоры и всегда помнила о них: и когда играла с Рути Эриксон, и когда с мамой и Роуз отправлялась помогать соседям делать заготовки на зиму, и когда миссис Эриксон угощала нас сладкими пирогами и пончиками, и когда отец одалживал мистеру Эриксону инструменты, и когда мы приходили к Эриксонам на воскресный обед. Умом я понимала справедливость притязаний Гарольда Кларка на землю соседа, поскольку та находилась на его стороне дороги, но при этом я ни секунды не сомневалась в том, что земля должна отойти нам. Во-первых, потому, что в спальне Дины Эриксон стоял уютный диванчик в эркере, и я ужасно ей завидовала. А во-вторых, потому, что было бы здорово, если бы вся земля вокруг пересечения шоссе номер 686 и Кэбот-стрит принадлежала нам. Тысяча акров. Круглое число.

В 1951 году, когда мне было восемь, я смотрела на мир и на будущее именно так. В тот год отец купил свою первую легковую машину — седан «Бьюик» с серыми бархатистыми креслами, настолько округлыми и гладкими, что с них можно было запросто соскользнуть на крутом повороте или ухабе. В том же году родилась моя самая младшая сестра Кэролайн, что, в общем-то, и стало поводом для покупки машины. Дети Эриксонов и Кларков продолжали трястись в кузовах фермерских грузовиков, а потомки Куков были достойны

большого: надежно защищенные от ветра и пыли, мы болтали ногами, пиная мягкие сиденья, и глазели на пронсящие мимо поля через задние стекла. И всем было ясно, у кого здесь шестьсот акров, а у кого — только пятьсот или вообще триста.

В тот год мы исколесили все окрестности. Бензин обходился недешево, но отца это отчего-то не останавливало; правда, после рождения Кэролайн он уже столько не ездил. Для меня новые впечатления были таким же сокровищем, как скопленные тайком монетки. Семейные поездки приносили ни с чем не сравнимое удовольствие: на роскошном бархатистом сиденье в душном салоне рядом со мной тряслась обожаемая Роуз, под колесами шуршал гравий, машина мчалась по дороге, подлетая на выбоинах, за окнами проносились чужие фермы, за минуту вырастая и снова сжимаясь в точку. Непривычная праздность. Удивительное развлечение. И самое главное — благодушные рассуждения родителей обо всем, что попадалось на глаза: отец оценивал ход сельскохозяйственных работ на полях и содержание скота на пастбищах, мама — размеры домов и состояние садов. Родители вели разговор неторопливо и расслабленно, довольные тем, что у нас все сезонные работы давно выполнены, а постройки гораздо добротнее и ухоженнее. Похоже, для мамы и папы, как и для нас с Роуз, все было в новинку. Подозреваю, что тогда они впервые выбрались за пределы фермы и знали о мире не больше нашего, но их голоса звучали так уверенно, что, слушая их дуэт, я и не думала сомневаться в верности пути. Наша ферма казалась оплотом спокойной и правильной жизни.

Джесс Кларк пропадал неизвестно где. Тринадцать лет назад он ушел в армию, и с тех пор — ни слуху ни духу. Когда прислали повестку, отец отвез его на автобусную станцию в окружной центр, и не прошло и пары месяцев, как про Джесса отчего-то перестали упоминать в разговорах, стараясь обходить любые связанные с ним темы.

Так продолжалось до весны 1979 года, пока я, случайно столкнувшись в Пайке с Лореном Кларком, не узнала, что его отец Гарольд собирается зажарить свинью на вертеле в честь возвращения сына и зовет всех соседей. Приносить еду с собой не обязательно.

Лорен уже хотел отвернуться и идти дальше, но я удержала его и заглянула в глаза:

- Где же он пропадал?
- Сам расскажет.
- От него ведь не было никаких вестей?
- Не было до последней субботы.
- Вот так вдруг?
- Вот так.

Лорен посмотрел на меня, лениво улыбнулся и добавил:

— Заявился аккурат после окончания сева. Не стал радовать нас своим воскрешением, пока мы лили пот на полях.

А пота в тот год и правда пролилось немало: весна выдалась холодной и дождливой, погода наладилась только к середине мая, и на посадку кукурузы осталось меньше двух недель.

Лорен опять улыбнулся. Я знала, что он рисуется передо мной: он был горд и чувствовал себя

героем, как и все мужчины в округе после успешной посевной.

— Он уже знает о маме?

— Отец ему сказал.

— Обзавелся семьей?

— Нет. Ни жены, ни детей. Ни планов вернуться туда, откуда приехал. Поживем — увидим.

Лорен, крупный добродушный парень, ко всему относился легко и с юмором; беседовать с ним всегда было приятно, как прохладной воды в жаркий день глотнуть. И теперь о возвращении блудного брата он говорил с улыбкой.

Гарольд Кларк готовил грандиозный праздник: он уже заколол свинью и собирался жарить ее целиком на вертеле, щедро сдабривая лимонным соком и паприкой. Конечно, повод был весомым, и все же я удивилась, что старый фермер готов потерять целый день в разгар сева бобов.

— Надо работать, пока погода стоит. — Лорен пожал плечами: — Но ты же знаешь Гарольда, он любит все делать по-своему.

Возвращаясь домой по шоссе, я впервые обратила внимание на то, как же вокруг хорошо: ивы и серебристые клены покрылись свежей листвой, берега реки заросли сочным камышом и нежными фиолетовыми ирисами. Я остановила машину и вышла, чтобы пройтись.

Этой зимой, в День святого Валентина, у моей сестры Роуз обнаружили рак груди — а ведь ей всего тридцать четыре. Операция и химиотерапия лишили ее сил и вогнали в депрессию. Весь март и апрель лили дожди. Мне приходилось готовить на три семьи: отцу, который отказался переезжать

к нам и остался жить один в большом доме, Роуз и ее мужу Питу, которые заняли дом через дорогу от отцовского, себе и своему мужу Тайлеру. Мы поселились в доме Эриксонов. На ужин и на обед все обычно собирались у нас, а завтрак мне приходилось подавать в каждом доме отдельно. Я вставала к плите в пять, а отходила не раньше половины девятого.

Мужчины беспрестанно жаловались на погоду и переживали, что останутся без топлива для тракторов. Джимми Картер* обещал, Джимми Картер точно должен... И так всю весну.

Мало того, еще осенью Роуз неожиданно решила отправить своих дочерей Пэмми и Линду в городскую школу-интернат: старшую — в седьмой класс, младшую — в шестой. Девочки сопротивлялись изо всех сил, просили отца и меня отговорить Роуз, но та была непреклонна. Она пришила именные бирки к их одежде, упаковала сумки и отвезла в квакерскую школу в Вест-Бранч. Решимость Роуз не поколебали даже протесты отца: она переждала их, как пережидают бурю.

Отъезд девочек стал для меня тяжелым ударом: я относилась к ним как к родным. Когда Роуз поставили диагноз, я первым делом предложила ей:

— Разреши Пэмми и Линде вернуться. Пусть этот год они доучатся здесь, а потом отправишь их обратно.

— Ни за что, — отрезала сестра.

Линда только родилась, когда у меня случил-

---

* Джимми Картер — 39-й президент США (1977—1981). (Здесь и далее примеч. перев.)

ся первый выкидыш. После этого как минимум на полгода один вид девочек, которых я раньше искренне любила и с удовольствием пестовала, стал для меня невыносимым. Дикая боль пронзала все мое тело, будто по венам текла не кровь, а кислота. Зависть, жгучая зависть испепеляла меня, лишая дара речи. Я злилась на Роуз, ведь ей так легко досталось то, о чем я могла лишь мечтать. Я пыталась забеременеть три года и выносить не смогла, а она залетела через шесть месяцев после свадьбы и родила уже двоих.

Конечно, ее вины в моих бедах нет, и я справилась с завистью, мысленно твердя снова и снова, как литанию, что Роуз — главный человек в моей жизни. Сколько я себя помню, она всегда была рядом: до рождения Кэролайн и после ухода мамы, до мужей, беременностей и детей. До и после. Отдельно от друзей и от соседей.

В округе Зебулон есть немало семей, раздираемых наследственными распрями из-за земли и денег: люди жили бок о бок, годами не разговаривая друг с другом, потому что вражда выжгла все добрые чувства и взаимные привязанности. Меньше всего на свете я хотела последовать их примеру, поэтому подавила зависть и помирилась с Роуз. И все же отказ сестры вернуть, хоть и ненадолго, девочек домой отозвался забытой болью и напомнил, что они — ее дети и моими никогда не станут.

Не обращая внимания на эту боль, я бросилась помогать сестре: готовила, стирала, убирала, возила ее на лечение, купала, помогала с покупкой протеза, подбадривала и заставляла делать упражнения. Рассказывала ей о девочках, читала их письма, от-

правляла им банановый хлеб и имбирное печенье. Однако с их отъездом в моей душе будто появилась трещина, как тогда, после рождения Линды. И, кажется, я начала понимать, как всего лишь одно решение способно расколоть семью и погрузить ее в ледяное молчание.

Случилось то, во что никто не верил: Джесс Кларк вернулся. Заканчивался май, Роуз заметно окрепла. Выглядела она уже гораздо лучше, даже румянец появился. И погоду по телевизору обещали хорошую. Шагая вдоль берега, я вышла к месту, где река разливалась и заболачивалась — уровень земли опускался здесь ниже уровня моря. Весенние солнечные лучи пронизывали прозрачный воздух и отражались в тихой голубой воде, на которой белым облаком покачивались пеликаны — целая стая, не меньше двадцати пяти птиц. Девяносто лет назад, когда мой прадед с женой осел в округе Зебулон, здесь повсюду были такие болота, поросшие камышом и населенные сотнями тысяч пеликанов. Теперь птицы стали редкостью: я впервые видела их здесь с начала шестидесятых. И не могла оторвать взгляд. Порой, думала я, приходится опуститься вниз, чтобы увидеть что-то важное... Не все находится на поверхности.

Братья Кларк, Лорен и Джесс, всегда были симпатичными парнями. Приглядевшись, можно заметить, что у Лорена выразительные глаза и красивые губы. Правда, из-за своего добродушного нрава он смахивал на деревенского простачка, да и под рубашкой у него давно намечался животик, как всегда бывает с теми, у кого на столе не переводится мясо и картошка. Я раньше не замечала этого, пока не

увидела Джесса — тот был словно улучшенной копией Лорена. Тринадцать лет, прожитых порознь, сделали их похожими на близнецов, разлученных в детстве и выросших в разных семьях: они одинаково наклоняли голову и смеялись над одними и теми же шутками, но Джесс выглядел гораздо моложе, несмотря на то что был старше. Над ремнем у него ничего не свисало, и под одеждой угадывались мускулы. Даже сзади его ни с кем нельзя спутать: широкая спина заметно сужалась к талии, а ниже вырисовывались крепкие ягодицы. Походка у него не как у фермера, что тоже бросалось в глаза. Местные мужчины ходили вразвалку, просто выкидывая ноги вперед, одну за другой, он же шаггал упруго, будто готовый в любой момент сделать сальто.

Роуз заметила Джесса одновременно со мной. Мы поставили на стол принесенные судки с едой, Джесс закончил болтать с Марлен Стэнли и повернулся к нам. Роуз хмыкнула и сказала:

— Смотри-ка.

Лицо у Джесса не такое гладкое, как у Лорена. Оно выдавало его возраст: морщинки расходились от углов глаз и обрамляли улыбку, подчеркивали крупный нос, который вырисовывался довольно резко. Как и у брата, у Джесса голубые глаза, однако в них не светилось добродушие. Такие же каштановые кудри, только коротко и аккуратно подстриженные, в отличие от волос Лорена. На Джессе были дорогие спортивные туфли и голубая рубашка с закатанными рукавами. В общем, выглядел он отлично, но совсем не так, чтобы вмиг развеять все подозрения и расположить к себе соседей. Однако

никто, конечно же, этого не показывал: в округе Зебулон дружелюбие считалось обязательной добродетелью.

Джесс обнял меня, затем Роуз и сказал:

— Привет, большие девочки.

Роуз не растерялась:

— Привет, приставала.

— Да ладно. Гормоны тогда играли, был активный...

— Озабоченный, — уточнила Роуз.

— Но Кэролайн-то я не трогал, хоть она и бегала за мной. Кстати, где она?

— В Де-Мойне, работает адвокатом. Осенью выходит замуж. За адвоката. Фрэнка Рас... — Я осеклась.

— Уже? — удивился Джесс.

Роуз откинула волосы и едко заметила:

— Ей двадцать восемь. По папиной теории, она уже почти не пригодна для разведения. Спроси его. Пусть расскажет тебе про свиноматок и телок, про потерю надоев и снижение плодовитости.

Джесс улыбнулся:

— Как это похоже на вашего отца. Помню, идей у него всегда водилось много. Они с моим родителем за спорами могли на двоих съесть целый пирог, кусок за куском, и выпить два, а то и три кофейника.

— Они и сейчас так делают, — бросила Роуз. — Пока ты тринадцать лет где-то мотался, у нас здесь ничего не изменилось.

Повисла пауза. Я сказала:

— Ты же помнишь, Джесс, Роуз всегда говорит что думает. Это тоже не изменилось.

Джесс улыбнулся мне. Сестра, ни капли не смутившись, подхватила:

— Я тоже кое-что помню. Поэтому специально приготовила тушеную говядину по рецепту твоей мамы, Джесс. Твою любимую.

Роуз подняла крышку на своем судке. Джесс озадаченно посмотрел на нее и пробормотал:

— Я уже семь лет не ем мясо.

— Значит, ты сдохнешь здесь от голода, — парировала Роуз. — Пришла Айлен Даль. Она послала мне цветы в больницу, Джинни, пойду поблагодарю ее.

Роуз отошла. Джесс даже не посмотрел ей вслед; он приподнял крышку на судке, который принесла я. Там были нутовые блинчики с сыром.

— Где ты жил?

— Последнее время в Сиэтле, а до того, пока не объявили амнистию, — в Ванкувере.

— Мы и не знали, что ты уехал в Канаду.

— Я удрал из армии прямо в учебном лагере, в первое же увольнение.

— Твой отец в курсе?

— Возможно. По нему не поймешь.

— Тебе в Зебулоне, наверное, будет скучно. Ты столько видел: города, горы...

— Здесь хорошо, и вообще...

Его взгляд скользнул по моему плечу. Джесс посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся:

— Мы еще поговорим об этом. Слышал, что вы теперь наши ближайшие соседи.

— С востока, пожалуй, да.

Подъехала машина отца. Как я и предполагала, он привез Пита и Тая. Однако, когда вслед за муж-

чинами вышла еще и Кэролайн, я удивилась и помахала ей рукой. Джесс оглянулся.

— А вот и она. Рядом с ней мой муж Тай. Ты, наверное, его помнишь. И Пит, муж Роуз. Знакомы?

— Детей нет? — поинтересовался Джесс.

— Детей нет, — произнесла я, стараясь не терять обычный жизнерадостный тон, и поскорее добавила: — У Роуз две дочки, Пэмми и Линда. Они мне как родные. Учатся в школе-интернате в Вест-Бранч.

— Ого, неплохо для детей из обычной фермерской семьи.

Я пожала плечами. Тай и Кэролайн направились к нам. Отец присоединился к фермерам, собравшимся вокруг Гарольда, Пит задержался у бочонка с ледяным пивом. Подойдя, муж обнял меня за талию и поцеловал в щеку.

Я вышла замуж за Тайлера Смита в девятнадцать; с тех пор минуло семнадцать лет, но нам все еще было хорошо вместе.

В школе я не слыла ни звездой, ни тихоней. Когда мы поженились, Таю исполнилось двадцать четыре года, он уже шесть лет вел хозяйство, и ферма его процветала. Сто шестьдесят акров без обременения. Не так уж и много, но отец не возражал, потому что все было устроено очень разумно. Эта земля досталась отцу Тая в наследство. Основная ферма, четыреста акров без обременения, отошла его старшему брату, однако отец Тая не стал спорить и, как положено, довольствовался малым. Женившись на простой девушке, он еще раз доказал свое благоразумие, когда ограничился одним ре-

бенком. Как сказал мой отец, имея сто шестьдесят акров, плодить больше — грех. Когда Таю было двадцать два, сердечный приступ свалил его отца прямо в свинарнике, и ферма перешла к моему будущему мужу, благо он уже умел с ней управляться. Мой отец полностью одобрял такой ход событий, так что, когда через год Тай стал заезжать к нам, он встречал его приветливо.

Тай вел себя вежливо и обходительно и к тому же с самого начала симпатизировал мне, а не Роуз. Меня подкупили его хорошие манеры, которые, как я полагала, способны сделать сносным любой брак. Приходя, он всегда улыбался и говорил: «Привет, Джинни!»; уходя, предупреждал, когда вернется, и обязательно прощался. Благодарил, вставая из-за стола, и не забывал говорить «пожалуйста». Потому и с отцом моим он хорошо поладил, когда они стали вместе работать на нашей ферме, а землю Тая сдавать. С Питом у отца отношения складывались гораздо хуже, и Таю нередко приходилось выступать в роли миротворца. Годы совместной жизни ничуть не подточили наш брак, что было особенно заметно на контрасте с Питом и Роуз, которые то и дело ссорились и жаловались друг на друга.

Тай поприветствовал Джесса со своей обычной спокойной доброжелательностью, а я смотрела на них, пораженная: в последний раз, когда я видела Джесса, он казался совсем мальчишкой, особенно рядом с Таем, тогда уже зрелым мужчиной; теперь они совершенно сравнялись, и, по правде говоря, Джесс выглядел даже чуть более опытным и уверенным в себе.

Кэролайн быстро, по-деловому пожала руку Джессу — по мнению острой на язык Роуз, таким способом она сообщала окружающим: «Относитесь ко мне серьезно, иначе я вас засужу». Может, моя младшая сестра и была, как считал папа, старовата для размножения, зато для работы юриста она оказалась слишком юна. Ее напускная серьезность выглядела донельзя забавной, но я изо всех сил притворялась, что принимаю все за чистую монету, чтобы не обидеть сестру. Однако я не могла не заметить, что Джесс Кларк тоже исподволь улыбается. Кэролайн сообщила, что собирается переночевать на ферме, утром пойти с нами в церковь, а потом уехать, чтобы к ужину добраться до Демойна. Все как обычно.

Потом я столько раз прокручивала в памяти события той вечеринки, пытаюсь отыскать поворотный момент, когда все пошло не так, но еще оставался шанс на спасение. И, конечно, не находила.

3

Родители моей бабки, Сэм и Арабелла Дэвис, приехали в округ Зебулон весной 1890 года. Их родная земля в холмистых краях на западе Англии приносила мало зерна, поэтому они купили через агента «плодородный надел в Новом Свете». Каково же было их удивление, когда, переплыв океан, они увидели, что добрая половина их земли большую часть года находится под водой, а еще четверть представляет собой болото. Не зная, как быть, они уехали в Мейсон-Сити, где прожили лето и зиму. Сэму тогда только исполнился двадцать

один, Арабелле — двадцать два года. В Мейсон-Сити они встретились с Джоном Куком, тоже англичанином. Тот родом из Норфолка и стоячей воды не боялся. Кук служил простым клерком в магазине для фермеров, однако был начитанным малым и интересовался новинками сельскохозяйственной и индустриальной техники. Он и убедил моих предков потратить последние оставшиеся деньги на осушение земель. Ему тогда исполнилось всего шестнадцать.

Новый знакомый продал моему прадеду перекопные вилы, две штыковые лопаты, шланг для выравнивания, кучу керамических дренажных труб местного производства и пару высоких резиновых сапог. Как только потеплело, Джон Кук бросил работу и отправился с Сэмом осушать поля, кишасшие москитами. На сухом клочке земли мой прадед посадил двадцать акров льна, потому что так было принято, и десять акров овса. И то и другое уродилось на славу, не то что в Англии.

В тот год в Мейсон-Сити появилась на свет моя бабка Эдит. Джон и Сэм копали, выравнивали и прокладывали трубы, пока не наступили холода и земля не промерзла настолько, что в нее перестали входить вилы. Тогда мужчины вернулись в город, где познакомились с малышкой Эдит и устроились до весны на фабрику по производству кирпичей и труб.

Ровно через год, сразу после сбора урожая, Джон, Арабелла и Сэм приступили к строительству дома у южной границы участка. Им помогали трое мужчин из города и местный фермер по фамилии Хокинс. Через три недели все было готово, и деся-

того ноября семья переехала в новый одноэтажный коттедж с двумя спальнями. В первую зиму Джон остался вместе с Сэмом и Арабеллой. Он занял вторую спальню. Эдит спала в кладовке. Через два года Джон Кук приобрел по сходной цене восемьдесят акров заболоченной земли рядом с Дэвисами, однако продолжал жить с ними в одном доме, пока не построил в 1899 году собственный.

Теперь, глядя на простирающуюся вокруг ровную плодородную землю, никто бы и не догадался, что она сотворена такой не Богом, как учили нас в воскресной школе, а руками простых смертных, о чем мой отец всегда отзывался с гордостью и уважением. Сеть труб отводила воду и согревала почву. Даже после самой свирепой бури можно было выводить технику на поля всего через двадцать четыре часа. Трубы обеспечивали нам безбедную жизнь: мы всегда собирали хороший урожай — и в дождливые, и в засушливые годы. Это казалось мне волшебством, хоть и являлось делом вполне обыденным. В детстве я не раз видела керамические трубы, приготовленные для ремонта и удлинения сети, потом их сменили пластиковые рукава, однако на протяжении многих лет я отчего-то представляла, что под верхним слоем почвы скрыты не они, а пол, самый обычный, выложенный блестящей синей и желтой плиткой, как в школьной душевой. Опора, которая выдержит все, потому что она крепче, чем трастовый фонд, и надежнее, чем страхование урожая. Главное родовое богатство.

Двадцать пять лет три поколения нашей семьи — Сэм, Джон и мой отец — прокладывали трубы, рыли дренажные колодцы и обустраивали

резервуары, чтобы отвоевать свой кусок земли. И я, одетая в нарядное платье и усаженная в «Бьюик», чтобы ехать на воскресную службу, не знала ни в чем нужды благодаря их упорным трудам. Они дали мне надежную опору. Кому-то наша земля казалась даром природы или Бога, но мы-то знали, кто ее создал, и ездили в церковь только для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение, а не вознести хвалы.

Было очевидно, что Джон Кук своим упорным трудом заслужил долю в ферме Дэвисов, поэтому, как только Эдит исполнилось шестнадцать, он взял ее в жены. Ему тогда стукнуло тридцать три. Сэм и Арабелла заказали для них по почте дом, огромный и шикарный — модель «Челси» с четырьмя спальнями, гостиной с раздвижными дверями, столовой, прихожей, туалетом и ванной, он стоил тысячу сто двадцать девять долларов. В комплект входили доски, балки, гвозди, оконные рамы, двери и инструкция по сборке на семидесяти шести страницах. В этом доме мы и выросли. Старый коттедж разобрали еще в тридцатых годах, а бревна пошли на постройку курятника.

Сколько себя помню, я никогда не забывала о воде под нашими ногами: как она просачивается сквозь землю, молекула за молекулой, собирается, испаряется, нагревается, остывает, замерзает, поднимается на поверхность, превращается в туман или опускается вниз и растворяет питательные вещества. Мощная и неутомимая сила, то стремительная, как река, то спокойная, как озеро. Маленькой я боялась, что трубы не справятся и эта стихия вырвется на поверхность и вновь покроет всю землю.

Первые местные поселенцы сравнивали бескрайние прерии, поросшие густой травой, с морем или океаном. Такая метафора напрашивалась сама собой, к тому же у многих еще были свежи воспоминания об Атлантике. Сверкающие водные просторы, поросшие камышами и тростником, встречали моих предков; теперь же ни травы, ни болот не осталось, однако море все еще несло свои воды у нас под ногами...

4

Ферма Гарольда Кларка не сильно отличалась от нашей: такой же плоский кусок земли, открытый всем стихиям. Только дом у него был выстроен в викторианском стиле, с вырезанными на фронтонах изображениями восходящего солнца. Ну и, конечно, акров у соседа меньше, чем у нас, однако Гарольд умело их использовал. В марте он неожиданно для всех — и для моего отца тоже — купил новый фирменный трактор с закрытой кабиной, кондиционером и кассетным проигрывателем, чтобы слушать песни Боба Уиллса прямо в поле, а в придачу к трактору — еще и новую сеялку. Сказать, что это задело моего отца, значит, ничего не сказать: теперь каждый раз, встречая Гарольда, он с издевкой принимался тянуть фальцетом, подражая Бобу Уиллсу: «А-ха-а».

Сосед не просто обскакал его в давней технологической гонке, но и скрыл, из каких средств оплачена покупка. Если он скопил и добавил выручку за последний год, значит, дела у него шли лучше, чем думал отец, и даже лучше, чем у отца. Или он взял

кредит? Его младший, Лорен, изучал в колледже управление сельскохозяйственным производством и мог убедить Гарольда, что небольшой заем не повредит бизнесу.

Мой отец не знал, откуда взялись деньги на трактор, и это его бесило. Сосед же без устали хваливал свое приобретение: охал, сколько лет ему приходилось глотать пыль, хвастался количеством передач (аж двенадцать!) и восхищался, как чудесно яркий красный цвет кузова смотрится на фоне зеленых полей и голубого неба. На вечеринке он с гордостью демонстрировал всем окрестным фермерам не только вернувшегося сына, но и новенький трактор, откровенно ожидая всеобщего восхищения и принимая его со своим обычным беззастенчивым простодушием.

Гости не скрывали зависти. У стола, где Лорен нарезал свинину, собралась толпа мужчин, в центре которой стоял Боб Стэнли, молодой фермер, ровесник Тая, и говорил:

— Мы тоже можем закупить себе таких штук-вин. У тебя много земли, понятно, что пыль жрать не хочется. А топлива-то не достать! Без него это бесполезная груда железа.

Отец, подошедший к столу, слышал тираду, но спорить не стал. Он похвалил свинину, скептически смерил Джесса взглядом с головы до ног и набрал полную тарелку фруктового салата. Все знали, что Боб Стэнли и мой отец не очень-то ладят друг с другом. Как говорил Пит: «Ларри в курсе, что Боб нарывается, а Боб и не скрывает».

Боб Стэнли никогда за словом в карман не лез — парень он был разговорчивый. Другие фер-

меры слушали его, но всегда поглядывали на моего отца, словно за тем оставалось последнее слово. А отец обычно только скептически хмыкал, всем своим видом давая понять, что на такую пустую болтовню даже отвечать нечего.

Когда стало смеркаться, я принялась собирать бумажные тарелки, чтобы привести двор в порядок, и вдруг заметила на заднем крыльце соседского дома отца, который что-то напористо объяснял собравшимся вокруг Роуз, Кэролайн, Таю и Питу. Роуз оглянулась — и меня пронзило инстинктивное чувство опасности, однако следом ко мне повернулась Кэролайн, улыбнулась и поманила рукой. Я подошла, забыв отложить собранный мусор, и встала на нижней ступеньке.

— Вот такой план, — прогремел отцовский голос.

— Какой план, папа? — спросила я.

Отец посмотрел на меня, потом на Кэролайн и сказал, обращаясь ко мне, но глядя на нее:

— Мы создадим акционерное общество, Джинни. Купим новейший стальной резервуар для навоза и силосохранилище, увеличим поголовье свиней. Каждая из вас получит по равной доле.

Отец перевел взгляд на меня:

— Вы, девочки, Тай, Пит и Фрэнк, будете здесь хозяевами. Что думаете?

Я облизнула пересохшие губы и поднялась на две ступеньки выше. За стеклянной кухонной дверью в темном проеме стоял Гарольд Кларк и, ухмыляясь, наблюдал за нами. Он явно наслаждался спектаклем, который устроил мой изрядно набравшийся отец. Тай смотрел на меня, и я видела в его

глазах скрытый восторг: он давно мечтал увеличить поголовье свиней. Помню, что я тогда подумала: «Ладно. Бери. Он сам отдает, так что бери».

Не дождавшись ответа, отец продолжал:

— Я уже слишком стар. И на всякие новые трактора мне начхать. Я и дома музыку могу послушать. Если я завтра умру, вам придется выложить семьсот или восемьсот тысяч долларов, чтобы вступить в наследство. Земля дорожает, а люди ведут себя так, будто собираются жить вечно...

Здесь он остановился и посмотрел на Гарольда.

— Но если вдруг меня свалит сердечный приступ, вам придется продать все, чтобы заплатить налог.

подавив инстинктивную тревогу, я кивнула:

— Хорошая идея.

— Отличная идея, — вставила Роуз.

— Даже не знаю... — протянула Кэролайн.

Помню, в школе я не могла поверить, когда одноклассники говорили, будто их отцы — фермеры. Конечно, я кивала из вежливости, но в глубине души считала их лжецами. Я не представляла, что могут быть другие отцы и другие фермеры, кроме Лоренса Кука. Принять это было все равно что нарушить первую заповедь.

В детстве я боялась смотреть отцу в глаза, вообще, даже смотреть на него. Он казался мне гигантом с голосом, подобным грому. Когда мне приходилось разговаривать с ним, я обращалась к его ботинкам или к рубашке. Когда отец брал меня на руки, я замирала; когда целовал, я, зажмурившись, терпела и потом быстро обнимала его в ответ. Он внушал страх, но рядом с ним можно было ничего

не бояться: ни грабителей, ни монстров. Мы жили на самой лучшей, самой защищенной и самой ухоженной ферме. На самой большой ферме, управляемой самым большим фермером. Все закономерно и справедливо, как мне тогда казалось.

Возможно, я сама виновата, что так и не смогла понять отца. Возможно, надо было чуть расширить пространство, увеличить дистанцию: выйти из замкнутых стен на вольный воздух, туда, где перспектива лишает фигуру давящего величия, но все еще позволяет различать черты и узнавать движения. Однако отец не растворялся в пейзаже, а заполнял его собой: поля, строения, деревья, посаженные на границах участка, были им самим, будто он перерос их, а потом сбросил, как шелуху.

Я изо всех сил старалась понять отца, но за величием его фигуры терялся всякий смысл. Каждое воскресенье нам полагалось ходить на проповедь, которую местный священник Фримонт читал, чтобы возвестить милость Божью, или Его вездесущность, или что-нибудь еще. Святой отец выбирал недавние происшествия, библейские истории, случаи из собственной жизни и слухи, переданные прихожанами, и излагал их так, чтобы получилась картина, которая увлекала и захватывала слушателей, помогая им узреть Бога. Правда, ровно до тех пор, пока в голову им не приходили другие, противоречивые факты. Однако противоречия нисколько не пугали святого отца, он находил в них истинное величие. Невозможность полностью познать мир была для него главным доказательством... нет, не милости или вездесущности Бога, а его величия. И когда священник говорил об этом, голос его

крепчал, жесты становились размашистее, а в глазах загорался огонь.

Отец сам никогда не снисходил к нам, и не было у нас никого, кто помог бы нам «узреть его». Мама умерла очень рано, не успев объяснить, что он — все лишь обычный мужчина со своими странностями, склонностями и привычками. Она не успела сделать его фигуру менее величественной и более понятной. А мне бы очень этого хотелось. Думаю, в этом заключалась наша единственная надежда.

Отец не ожидал такого ответа от Кэролайн. Он повернулся, чтобы взглянуть на дерзкую дочь, — медленно и изумленно, подавшись всем телом со всей знакомой пугающей мощью: в нем было почти два метра роста и больше ста килограммов веса.

Кэролайн не хотела жить на ферме, она выбрала профессию юриста и жениха-юриста, но это была болезненная тема, и сестра, не решившись высказать все до конца, молча уставилась на темнеющий горизонт. Гарольд включил на крыльце свет. Для Кэролайн предложение о разделе фермы стало ловушкой. Отец продолжал сверлить ее взглядом. Теперь, при ярком свете, не было никакой возможности подать ей знак, чтобы она молчала и не спорила с изрядно выпившим отцом.

— Не хочешь — не надо. Вот и все, крошка! — злобно бросил он, поднялся со стула, тяжело прогромыхал по ступеням и скрылся в темноте.

Никого, кроме Кэролайн, поведение отца не удивило.

— Это просто смешно. Он пьян, — попыталась успокоить я сестру.

Однако меня никто не поддержал, все стали расходиться, прекрасно понимая, что произошло нечто непоправимое. Гордость отца была уязвлена, и теперь бесполезно доказывать ему, что Кэролайн не отвергла его предложение, а просто выразила сомнение, вполне резонное, которое естественным образом должно возникнуть у любого юриста. Возможно, она просто ошиблась и ответила отцу как юрист, когда должна была ответить как дочь. Или же никакой ошибки нет и она ответила как женщина. Как обычная женщина. Я вдруг осознала, что мы с Роуз никогда не решались себе этого позволить.

Я зашла на кухню Кларков, чтобы выбросить собранную одноразовую посуду в мусорное ведро. Закончив, повернулась к двери и вздрогнула от неожиданности: совсем рядом со мной стоял Джесс Кларк. В свете, падающем с крыльца, было видно, что он удивлен моим испугом. Его лицо, знакомое и в то же время странное, приветливое и чужое, казалось, таило в себе знание, недоступное местным. Поспешно выходя, я задела его, и он поддержал меня под локоть.

— Как ты сюда попал?

— Ты разве не слышала, как стукнула дверь? — удивился он и не спеша убрал руку. — Мусорные пакеты кончились. Я все никак не мог понять, чего же не хватает у нас на кухне. А теперь вспомнил: раньше рядом со столом стоял бак с бычьей спермой. Я, когда ел, всегда ставил на него ноги.

— Да? — рассеянно пробормотала я.

Он заглянул мне в глаза и сказал:

— Что ты, Джинни? Я не хотел тебя напугать. Я думал, ты слышала, как я вошел.

— Просто у меня из головы не выходят слова отца. Они вгоняют меня в панику.

— Про акционерное общество? Вообще, идея дельная.

— Идея, может, и дельная, но совсем не в его духе. Слишком уж дальновидно и рассудительно. Так мог бы сказать какой-нибудь банкир, но не мой отец. Чтобы он сам заговорил о своей смерти и налоге на наследство...

— Подождем — увидим. Может, он завтра проснется и ничего не вспомнит.

Джесс говорил спокойно и уверенно, будто даже и не сомневался, что так и будет.

— Но все так запуталось. Очень запуталось. Буквально за пять минут.

— Успокойся. Ты сама себя накручиваешь... Я всегда верил, что от судьбы не уйдешь: у каждого события есть столько внешних и внутренних причин, что бороться глупо. Надо принимать все как есть. В этом заключена мудрость и красота, как учит нас Будда...

Я фыркнула. Джесс смущенно улыбнулся:

— Ладно, скажу по-другому. Если беспрестанно о чем-то думать, это случится.

— Моя мама так говорила о торнадо.

— Вот! Вековая мудрость равнин. Делай вид, что ничего не случилось.

— Мы всегда так делаем.

Я устыдилась собственной откровенности и поспешно добавила:

— Только это между нами. Хорошо?

У меня все внутри похолодело, когда я представила, как Гарольд Кларк, тот еще сплетник, будет трезвонить соседям о моих сомнениях. Джесс поймал мой взгляд и тихо сказал:

— Гарольд ничего не узнает. Не бойся.

Я поверила ему. Я поверила всему, что он говорил, и перестала паниковать.

Предложение отца и правда было дельным: в случае его внезапной смерти нам бы пришлось продать часть земли, чтобы заплатить налог на наследство. Сто лет назад Сэм и Арабелла купили участок в сто шестьдесят акров по цене пятьдесят два доллара за акр. И то слишком дорого для земли со стоячей водой. Соседи из Мейсон-Сити зубоскалили у них за спиной: мол, молодые-глупые, не глядя, купили кусок комариного болота, приехали к шапочному разбору.

В тридцатых годах мой дед и отец по цене меньше девяносто долларов за акр присоединили к угодьям еще два участка уже осушенной, возделываемой земли. Семья, у которой они перекупили землю, уехала сначала в Миннеаполис, а потом в Калифорнию. Та сделка стала поводом для многолетней вражды, которая продлилась до пятидесятих годов, так что даже я стала ее свидетелем. Отец Боба Стэнли, Ньют, не разговаривал с нашим отцом, потому что тот обошел братьев Стэнли при покупке земли, а ведь жена уехавшего в Миннеаполис фермера приходилась Ньюту двоюродной сестрой. Во время Великой депрессии отцу удалось еще расширить свои владения за счет упорного труда, удачи и умелого хозяйствования. Конечно, не все этому верили, и пересудов в округе Зебулон хо-

дило много, но отец не обращал внимания на завистников. Бывшие болота оказались очень плодородными, сплошной перегной, так что к 1979 году рыночная цена за акр во владениях моего отца доходила до трех тысяч двухсот долларов — дороже, чем в остальном округе и вообще во всем штате. То есть стоимость тысячаакровой фермы превосходила три миллиона, да и залогов у отца никаких не было.

— Марвин Карсон надоумил его, — заметил Тай, когда мы собирались ложиться спать той ночью.

— А трактор Гарольда стал последней каплей, — откликнулась я.

— Трактор тоже был идеей Марвина, тот обрабатывал Гарольда с самого Рождества, — Лорен мне сегодня сболтнул. Гарольд специально молчит, чтобы твой отец думал, будто они заплатили всю сумму, но это блеф. Правда, Лорен так и не признался, сколько они заложили. Он сказал, что должок крохотный и вообще ничто по сравнению с размером их активов.

— Такой трактор стоит не меньше сорока тысяч.

— А их земля стоит не меньше полутора миллионов. Ферму моего отца можно продать за полмиллиона и на эти деньги увеличить поголовье свиней.

Он посмотрел на меня и пожал плечами:

— Ну да, я тоже говорил с Марвином.

— Для меня это какие-то запредельные суммы. Да и кто столько заплатит? К тому же все жалуется на высокие процентные ставки.

— Ставки будут только расти. Но, может, и цены вырастут.

Я хмыкнула и села на диванчик у окна. Вдалеке виднелся дом Роуз. Свет у них не горел.

— Когда мы расходились, Роуз выглядела совершенно разбитой, — заметила я.

— Эти новые стальные резервуары — просто чудо. В них помещается до восьмидесяти тысяч галлонов навоза: заложил, остудил и выноси на поля. Нам непременно такой нужен. И еще новый свинарник. С кондиционером. И пару племенных хряков на развод. Знаешь, таких чистокровных, которых прям хоть за стол с собой сажай.

Он откинулся на кровать.

— Хорошеньких розовых малышей. Назовем их Рокфеллер и Вандербильд.

Тай нечасто мечтал вслух, так что я не перебивала.

— У нас и у самих неплохие свиньи, а если еще и парочку крепышей усыновить, так к нам за поросятами вообще очередь выстроится. Будем всем говорить: «Смотри, старина, этого малыша надо кормить с ложечки и спать рядом с собой класть», а они такие: «Конечно, Тай, как скажешь, я уже начал деньги ему на колледж откладывать». — Муж перекатился на бок и улыбнулся. — Или ей. Свиноматки с хорошей родословной не меньше ценятся.

— Да, к счастью, свиньям дают вырасти. Меня всегда с души воротило, когда Эриксоны забивали новорожденных телят.

— Они держали молочный скот?

— Да, Кэл очень любил коров. Носил в бумажнике фотографии лучших буренок вместе с фото-

графиями детей. Если бы ему тогда удалось сохранить коров, он бы, может, и не уехал отсюда. А так...

— Голштинской породы?

— Да, конечно. У них еще была одна джерсейская, которую они держали для себя. Мороженое из молока делали. Очень вкусное! Ее звали Лилия.

— Кого?

— Корову. Дочек Эриксоны назвали очень неприятно, Дина и Рут, зато у всех коров были цветочные имена: Роза, Фиалка.

Тай благодушно хмыкнул и закрыл глаза. Ему все казалось по плечу.

Предложение отца никого не оставило равнодушным: оно расшевелило тайные желания и страхи внутри каждого из нас. Тай воспринял его как долгожданное признание своего свиноводческого таланта. Я — как негласную награду за годы дочернего почтения и бытового служения. Питу, у которого не было собственной фермы, оно сулило мгновенное повышение статуса от наемного рабочего до землевладельца. Роуз же приняла его как должное: она тоже считала свою долю наградой, но только справедливой, причитающейся ей по праву, сообразной естественному ходу вещей.

Как бы там ни было, Тай точно заслужил то, о чем только что мечтал вслух.

— А Кэролайн? — спросила я. — Она осталась у Роуз, не пошла ночевать к папе. Это его еще больше разозлит.

— Ларри вышел из себя и наговорил лишнего. Но и ей нечего было выделываться.

— Она просто сказала, что не уверена.

— Сказала, что не уверена, очень уверенным тоном — в своей обычной манере, — пробормотал Тай полусонно, что лишило его реплику сарказма. Он хорошо относился к моей младшей сестре и часто по-доброму поддразнивал ее. Когда отец решил занять Кэролайн делом в четырнадцать лет и принялся учить ее водить трактор, Тай отговорил его, памятуя о риске аварий, что фермеров обычно совсем не заботит. Однако переезд Кэролайн в город озадачил его не на шутку: он совершенно не мог понять, как можно добровольно бросить ферму.

Тай уже спал, негромко похрапывая.

Я знаю, многие женщины жалуются, будто мужья с ними не разговаривают. В местных городках полно клубов, в которых фермерские жены якобы занимаются благотворительностью, однако их благие дела тонут в потоке бесконечной болтовни. В этом, мне кажется, и таится корень проблемы. Тай всегда мне все рассказывал: про работу с отцом и Питом на ферме, про скот и урожай, про то, что он видел на полях и кого встретил в городе. Он никогда ничего не держал в себе и не предавался унынию. Даже когда отец и Пит грозились поубивать друг друга, что случалось регулярно, раз в два года точно, Тай обычно говорил: «Пустая болтовня! Ссоры с Питом нужны твоему отцу, чтобы чувствовать себя моложе. И он сам это прекрасно знает».

Тай не падал духом даже после моих выкидышей и меня успокаивал, уверяя, что в следующий раз точно получится, что горевать не о чем, что со мной все в порядке и что он любит меня, несмотря ни на что.

Я накрыла мужа одеялом. Он заворочался, устраиваясь поудобней, и пробормотал полусонное «спасибо».

Тай знал только о трех выкидышах. Все считали, что мы бросили попытки. Однако выкидышей было пять, последний — в День благодарения. После третьего случая летом 1976 года Тай сказал, что не сможет заставить себя спать со мной, если я не начну предохраняться. Он не объяснил причину, но и так было ясно, что его страшат новые выкидыши. Целый год я не разрешала себе даже думать о беременности, пока однажды мне не пришлось в голову, что я могу притворяться, будто использую контрацепцию, а на самом деле возобновить попытки. Втайне ото всех. Я представляла, как буду вынашивать ребенка, не говоря никому ни слова, а Тай и Роуз, заметив мой округлившийся живот, начнут поглядывать на меня с подозрением, не решаясь спросить, отчего это я поправилась. Я надеялась, что, сохранив беременность в секрете, смогу сохранить и ребенка. Однако, воодушевленная новой идеей, я, едва зачав, не удержалась и побежала обо всем рассказывать Роуз, так что, когда случился выкидыш, мне тоже пришлось ей признаться. Тай остался в неведении, в тот день он с моим отцом уехал на сезонную ярмарку. Роуз заявила тогда, что я совсем свихнулась, так что о пятой беременности я ей не говорила, и о выкидыше на следующее утро после Дня благодарения — тоже. Мне опять повезло — Тай ничего не заметил, ему пришлось встать затемно, чтобы помочь Питу с уборкой позднего урожая бобов. Я сложила ночную рубашку, простыню и наматрасник в бумажный пакет и закопала их

в старом коровнике, где земляной пол еще не промерз. Я собиралась потом откопать их и выкинуть в мусорный бак, но так и не решилась. Если бы я это сделала, мне захотелось бы повторить попытку, а я еще не была готова. Но и окончательно отказаться от своей мечты я тоже не могла. В тридцать шесть у меня еще оставалось впереди пять лет, еще две или три попытки на то, чтобы однажды утром выйти из спальни и сказать: «Смотри, Тай, вот наш ребенок».

Решимость действовать втайне ото всех открыла для меня целый новый мир, мой собственный мир. У меня появились две жизни, два лица. Я впервые за эти годы чувствовала себя сильной, и передо мной открывалась жизнь, полная неизведанных новых возможностей. После двух тайных выкидышей у меня отчего-то было больше надежд, чем после самого первого.

Большой дом тоже стоял без огней. Я вспомнила, что мы с Роуз не договорились, кому на следующее утро идти к отцу и готовить завтрак. Когда Кэролайн ночевала у него, она с удовольствием брала на себя эту обязанность, но после ссоры она осталась у Роуз. Я открыла окно и стала вглядываться в темноту. Машина отца стояла рядом с хлевом, машина Пита — у их дома. Крыша нашего пикапа поблескивала под окнами. Лягушек и цикад еще не было слышно, и только бриз раскачивал сосны на северной границе фермы. В хлеву свиньи тихо громыхали кормушками. Привычная, тихая, умиротворяющая картина, которую я любила и которую так боялась потерять, что не решилась уехать после окончания школы. Она успокаивала и убаюкивала,

однако внутри у меня по-прежнему горели желания — тайные, страстные желания. Я сидела у окна, наслаждаясь бризом и грезя, что этот напористый ветер, разворачивающий море вспять, сможет однажды вынести долгожданное дитя на мой берег.

5

К семи я приготовила завтрак. Позвала отца, но он не откликнулся. Тогда на цыпочках я поднялась в спальню, однако его там не оказалось. Смятая постель не разобрана. Похоже, отец ушел куда-то в ботинках — сапоги стояли внизу, поэтому я и решила, что он еще не вставал.

Капот его машины был холодным. Я уже подумала, что он отправился к Роуз, когда к дому подкатил большой бордовый «Понтиак». За рулем сидел юрист Марвин Карсон, в костюме и при галстукке, заспанный, но готовый к работе. Отец ехал на пассажирском кресле. Выйдя из машины, Марвин поспешно засеменял за моим отцом к дому.

— Джинни, Марв будет завтракать со мной, — бросил отец. — Марв, иди умойся.

Войдя в дом, Марвин принялся растерянно озираться, вероятно в поисках раковины.

— Думаю, ты и так чистый, Марвин, проходи, — успокоила его я.

На завтрак были сосиски, яичница, картофельные оладьи, кукурузные хлопья, булочки, тосты, кофе и апельсиновый сок. Отец сел на свое место, набрал полную тарелку еды и принялся за нее с обычным аппетитом. Я все никак не могла по-

нять, переоделся ли он со вчерашнего вечера. За-метив мой взгляд, он раздраженно спросил:

— Ты ела? Что смотришь?

— Я завтракала с Таем, папа.

— Садись за стол или убирайся. Нечего стоять и пялиться.

Я налила себе кофе и села за стол.

— Не нравится еда? — бросил отец Марвину.

— Нравится, все вкусно.

— Тогда что ты ковыряешься?

Марвин покраснел, но мужественно ответил:

— Важно не то, что ты ешь, а в каком порядке.

— Важно для чего?

— Для пищеварения, для усвоения, для выведе-ния токсинов.

— Ты не жирный.

— Жир меня больше не заботит. Я столько лет с ним боролся, но теперь осознал, что это лишь самый первый уровень телесного контроля. Подсчет жиров и калорий — это скорее прием, но не реше-ние в целом.

— Решение чего?

— Теперь моя главная забота — токсины, вер-нее, их регулярное выведение. Я справляю нужду от двенадцати до двадцати раз в день. Потею. Слежу за процессом дефекации, — сообщил Марвин, ни-мало ни смущаясь. — Это придает мне сил. Напри-мер, раньше я рассматривал физические упражне-ния исключительно как способ получить аэробную нагрузку и накачать мышцы, поэтому и мотива-ции у меня не было; зато теперь, когда я знаю, что они ускоряют ток жидкости и очищают клетки, я тренируюсь с удовольствием, а когда пропускаю

тренировки, чувствую себя ужасно из-за того, что в мозгу копятся токсины.

— Это как? — удивилась я.

— Появляются дурные мысли. Начинаю нервничать из-за ситуации в банковском секторе. Крушение надежд и все такое. Раньше вообще не мог спать. И теперь людей, отравленных токсинами, за километр чую.

— Какие продукты токсичны? — поинтересовалась я.

— О, Джинни, токсины везде. В том-то и дело. От них не уберечься. А если думаешь, что уберечься можно, — это явный симптом отравления токсинами. Раньше я старался есть только здоровую пищу, буквально с ума сходил. Говядину в рот не брал, не говоря уж про шоколад и кофе. И мне становилось все хуже. Каждый месяц я сокращал рацион, стремясь оставить только полезное. Я худел, но в мышцах и органах накапливались токсины.

— Когда это было? — спросила я. — Что-то не замечала.

Отец перестал таращиться на Марвина и, к моему облегчению, принялся за еду.

— Никто не замечал, — кивнул Марвин; он расправился с яичницей и принялся за сосиски. — Я переживал свою трагедию в одиночестве, но теперь без стыда говорю о ней. Теперь мне гораздо лучше. При выдохе, кстати, токсины выделяются через легкие.

Отец хмыкнул. Марвин замолчал, поглощая булочку.

— У вас случайно нет острого соуса? — поинтересовался он. — Табаско подходит лучше всего.

— Подходит для чего? — бросил отец.

— Отлично выгоняет пот, — с готовностью пояснил Марвин и улыбнулся.

Я улыбнулась ему в ответ и покачала головой:

— Мы не едим острое.

— Ладно, — бодро ответил Марвин и вытер губы салфеткой. — Пропотею потом.

В целом отец выглядел и вел себя как обычно. Он и раньше вечерами пил, а утром ходил угрюмый. Мы к этому привыкли. Сидя за столом, я собиралась с духом, чтобы напрямую спросить его про вчерашнее предложение. Правда ли, что он решил устроить акционерное общество и дать Питу с Таем больше полномочий? Дело в том, что эти двое, да и Роуз тоже, уже мысленно завладели фермой, а Кэролайн уже покинула ее — еще до того, как отец успел вчера спуститься с крыльца. Недоверие и потрясение от услышанного моментально сменились грандиозными планами и замыслами. За Тая я не переживала, но вот от Пита можно ждать чего угодно. Его настроение, подобно маятнику, началось от ликующей уверенности до озлобленного недовольства. По правде говоря, я его побаивалась.

Помню, накануне своей свадьбы Роуз сидела у меня на кровати, накручивала волосы на бигуди и сама удивлялась, как ей удалось заполучить такого классного парня. В глубине души я тоже этому порадовалась и даже немного завидовала: Пит был безумно хорош, как Джеймс Дин, только без бунтарства и надрыва, а с веселой улыбкой и искрящимся взглядом. И еще он играл в колледже в трех музыкальных ансамблях: в струнном квартете первую скрипку, в кантри-группе на скрипке, мандолине

и банджо, в джаз-бэнде — на фортепиано и изредка на контрабасе. Он постоянно мотался по свадьбам и вечеринкам, концертам, джем-сейшенам, фестивалям народной музыки, похоронам, репетициям, выступлениям в барах — и неплохо зарабатывал. Ни одно мероприятие в центральной части штата не обходилось без этого парня, и мы с Таем успели повидать его во всех возможных образах: в фермерских сапогах и фланелевой рубашке, в смокинге, пижонском костюме и в черной кожаной косухе. Его энергия и любовь к музыке казались неисчерпаемыми.

Не знаю, что он нашел в Роуз. Конечно, в нее многие влюблялись, но она была его полной противоположностью. Хорошенькая, но не красавица, остроумная, но язвительная, не звезда, без амбиций: хотела поработать пару лет учительницей начальных классов, найти мужа, родить двоих детей и зажить спокойной жизнью на ферме — на нашей или на какой-нибудь другой; одно время мечтала разводить лошадей в Кентукки. Когда Роуз только начала встречаться с Питом, мне казалось, что он не усидит в здешних краях. Талант унесет его в большие города: в Чикаго, в Канзас-Сити, в Миннеаполис, — а Роуз останется одна и будет страдать.

Однако неожиданно Пит объявил, что устал от дорожной жизни, и от музыки тоже, и хочет осесть и осваивать сельское хозяйство. Сыграли свадьбу, и Пит с прежней страстью взялся за новое увлечение... Но не сумел поладить с отцом.

Сомневаюсь, что Пит и Роуз вообще планировали надолго здесь задержаться — в них бурли-

ли амбиции. Пит рано вставал и работал допоздна, он фонтанировал идеями, горел ими: хотел сорвать куш и считал, что хорошая задумка — уже полдела. И любые сомнения, особенно если их высказывал мой отец, воспринимал не как временное препятствие, а как полную потерю того, что, как он считал, уже было в кармане. Только спустя годы я начала понимать всю глубину разочарования Пита, когда его энтузиазм столкнулся с непрошибаемым скептицизмом моего отца.

Пит не решался высказывать свою злость открыто, но она разъедала его изнутри, изредка прорываясь в стычках с Таем и Роуз, или даже со мной и дочерьми. На нас лились такие дикие, яростные угрозы и оскорбления, что не верилось ушам. Это пугало меня, но совершенно не задевало Роуз. Пока муж бушевал, она стояла, скрестив руки на груди, покачивала головой и повторяла: «Ты бы себя слышал», — демонстративно спокойная и вызывающе презрительная. И, конечно, Пит срывался и задавал ей трепку, нечасто, но все же. Четыре года назад в приступе бешенства он сломал ей руку и с тех пор не смел ее трогать, погрузившись в безысходное, мрачное отчаяние. Он пил. Мой отец пил. В этом у них разногласий не существовало.

Свадебная фотография стояла у Роуз в гостиной на фортепиано, и одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: время не пощадило Пита. Хоть он почти не располнел за прошедшие годы, но лицо его обветрилось и покрылось морщинами, волосы выгорели, движения стали напряженными и резкими. Смеющийся беззаботный парень, веселый Джеймс Дин исчез, как и не бывало.

Доля на ферме стала бы для Пита компенсацией за все эти годы: первым признанием заслуг, первой сбывшейся мечтой, первым доказательством того, что отец относится к нему не как к наемному рабочему или городскому пижону. Я переживала за Тая, потому что любила его, а за Пита — потому что боялась.

Я беспокоилась, что отец откажется от своих слов, и думала, как бы начать разговор, переводя взгляд с румяных щек юриста на угрюмое лицо отца, но Марвин, разделавшись с завтраком, решил все за меня.

— Раньше я работал по пять дней в неделю. Теперь работаю по семь. Но это так, к слову, ведь нет никакой разницы между работой и игрой. Все это один поток. Так вот, документы у меня в машине, вчера я переговорил с Кеном Лассалем. После церкви соберемся здесь, все обсудим и подпишем. Идет?

— Чем скорее, тем лучше, — буркнул отец. — Джинни, собери всех. Надо закончить до обеда. Будешь обедать, Марв?

— Спасибо, нет.

— Отлично, — кивнул отец, встал из-за стола и надел сапоги. — Пойдем, Марв, глянем на поля.

6

Завтрак прошел спокойно, и это внушало надежду, что и в церкви у меня все получится. Мне предстояла миссия хоть и сложная, но, как казалось, не безнадежная. Отец был обидчив, но не злопамятен и отходчив, главное — повиниться с должным рвением.

Привычный ритуал раскаяния несколько меня не пугал. Да и Роуз, хоть и не могла обойтись без едких замечаний и закатывания глаз, тоже отлично справлялась и даже могла рассмешить отца. Кэролайн же из-за своей непрошибаемой то ли наивности, то ли упрямства, то ли неискушенности совершенно не умела каяться. Она всегда искала правых и виноватых, выясняла, кому и за что конкретно положено извиняться, решала, кто должен делать это первым и какие слова произносить. Подобная дошность вполне нормальна для адвоката, но сестра была такой с самого детства, сколько я ее помню, так что профессиональный опыт только усугубил это и укрепил ее в мысли, что вину можно разделить.

В то утро Генри Додж, наш священник, читал ежегодную проповедь о том, что труд землепашца есть источник всех мирских благ. Это, несомненно, тешило самолюбие фермеров, подогревало их возмущение по поводу социальной несправедливости, а еще внушало мне надежду, что удастся застать папу, который тоже присутствовал на службе (но сидел не с нами, а с Марвином на самом последнем ряду), в хорошем расположении духа.

После проповеди я шепнула Кэролайн:

— Подойди к нему, поцелуй в щеку, обними и скажи: «Прости, папочка». Ты же можешь. Это ведь даже не официальное извинение.

— Но я ночевала у Роуз.

— Забудь про это.

— Он не забудет. Слова его обидели, а действия оскорбили.

— Ладно, тогда просто скажи: «Я боялась, что ты сердисься на меня, папочка».

Кэролайн поджала губы:

— Я не маленькая девочка.

— Хорошо, но разве ты и в самом деле не испугалась?

— Нет. Я разозлилась. Я ведь просто...

— Ты же знаешь, какой он обидчивый. Да и пьяный был к тому же. Уступи...

— Джинни! Хватит уступать.

Разговор принимал нежелательный оборот, на нас уже стали оглядываться Роуз и Пит, беседовавшие неподалеку со священником. Я сделала шаг, чтобы отгородить Кэролайн от церкви и оттеснить ее к машине, потом собрала все самообладание и заговорила как можно мягче и убедительнее:

— Сделай это для меня в последний раз. Папа вручает нам всю свою жизнь. Понимаешь? И дар этот надо принять без дразг, с уважением. Роуз, Пит и даже Тай готовы. Уступи в последний раз. Я обещаю.

— Не могу, — покачала головой Кэролайн. — Я не готова принять его дар. От него будет только хуже и ему, и мне. Фрэнк тоже не одобряет, он звонил вчера вечером Кену Лассалю домой, и тот сказал, что ни в коем случае не советовал папе делить ферму. Если бы у папы были проблемы со здоровьем, тогда другое дело, но он отчего-то озаботился налогами на наследство именно сейчас. Знаешь, когда у него появилась эта идея? В среду! Он решил поменять свою жизнь всего пару дней назад. Это абсурд! Он сам это прекрасно понимает и знает, что я это понимаю, поэтому так злится. Я никогда себе не прощу, если уступлю...

— Хочешь остановить его? Но ведь это только больше его раззадорит! — я решила попробовать другую тактику. — Он просто вычеркнет тебя! И все. Как будто тебя нет. Неужели ты этого не боишься? Я очень боюсь. Помнишь братьев Стэнли, чья ферма была к северу от города? Когда Ньют Стэнли умирал, он сказал Бобу: «Будь проклят Ларри Кук. Отними у него землю, даже если придется костями лечь».

— Ты шутишь.

— Айлин Даль божилась, что Боб Стэнли сам ей это рассказал.

— Удивительно!

— Удивляться нечему. Тут чуть ли не у каждой семьи есть свои застарелые обиды. Если ты не помиришься с отцом, об этом весь округ будет болтать еще лет пятьдесят. Или дольше. — Я приняла последнюю попытку: — Ну пожалуйста, в последний раз.

Тут только я обратила внимание, что зажала Кэролайн в угол и нависаю над ней. Хорошо хоть мы вышли с церковного двора на улицу. Я оглянулась, Роуз уже не было, а Генри Додж изо всех сил делал вид, что не интересуется нами. Я улыбнулась и отступила от сестры. Она смотрела в другую сторону улицы, туда, где стояла начальная школа и детская площадка. Похоже, любопытные согляда-таи на церковном дворе ее ни капли не волновали. Я почувствовала раздражение и нетерпеливо выпалила:

— Ты хочешь понять, кто прав, а кто виноват. Но сейчас главное не это! Главное — он твой отец и такова его воля.

— Возможно... Мне надо подумать. Я пройдуь немного и присоединюсь к вам позже. Не сердись, пожалуйста, Джинни.

— Почему ты мне можешь так сказать, а папе — нет?

Она посмотрела на меня с недоумением, а потом рассмеялась.

— Потому что ты этого заслуживаешь, а он — нет.

Странно было слышать такие слова. Они напомнили мне любимое изречение отца, которое он всегда повторял нам: «Каждый получает по заслугам».

Кэролайн села в машину Роуз и Пита, а я развернулась и пошла к нашему пикапу, припаркованному ниже по улице, как всегда мысленно представляя, что в заднем окне виднеется детское автомобильное кресло. Я даже уже и модель выбрала, конечно же самую безопасную. И как только некоторым безалаберным родителям приходит в голову разрешать детям не пристегнутыми прыгать по салону? Просто ужас! Просторный задний диван залил теплый солнечный свет. Похоже, с утренней миссией я справилась неплохо и, в общем, склонялась к мнению, что отец принял разумное и полезное решение, если уж и не для него самого, то для нас точно.

7

По дороге из церкви мы заехали домой, чтобы переодеться — после обеда еще предстояло много дел. Добравшись до отца, мы застали там только Джесса Кларка, который варил на кухне кофе,

остальные пошли осматривать землю. Тай взял пикап и отправился всех собирать.

— Быстро все завертелось, — заметил Джесс, наливая мне кофе, потом взял свою чашку и сел напротив.

— Никогда не думала, что отец на такое способен. Зря я вчера волновалась. Все равно, похоже, мало что изменится.

— А новые постройки? Свиньи? Плантации черного ореха? Десять акров гладиолусов, наконец? Это что, не изменения?

— Каких гладиолусов?

— Пока вас не было, Пит рассказывал о своих планах. Восемьдесят тысяч клубней на акр.

— Восемьсот тысяч гладиолусов?

— Он сказал, что в Миннеаполисе дают по доллару за пять штук. Итого сто шестьдесят тысяч баксов в кармане.

— Ох уж этот Пит...

— Я под впечатлением. Мы с ним проговорили всего пятнадцать минут, а он выдал пять или шесть отличных идей — не то что мой отец или Лорен. У тех на уме только кукуруза и бобы. Бобы и кукуруза. В детстве, я помню, мы держали свиней и коров, и у Лорена была овца, которую он выращивал для школьного проекта. Мама постоянно сажала новые сорта растений у себя в саду. А теперь даже разведение свиней считается рискованным.

— Ситуация на рынке изменилась. Но давай не будем про ферму, я уже устала от этих разговоров. Расскажи лучше, чем ты занимался в Сиэтле.

— Хочешь разведать мои тайны? — улыбнулся он, глядя мне прямо в глаза, и не отводил взгляда

до тех пор, пока я не покраснела. — Расскажу с удовольствием. Хоть кто-то интересуется. Отец у меня ничего не спрашивает и вообще ведет себя так, будто я все это время сидел в тюрьме. Да и Лорен задал мне всего один вопрос, купил ли я там землю. А когда я ответил, что нет, то буркнул: «Паршиво», — и больше со мной не заговаривал.

— Что ты там делал?

— Держал продуктовый магазинчик: органические овощи, фермерские куры, сыры без красителей и всякое такое. В Ванкувере организовал общинный сад, работал в службе доверия, был барменом в модном ресторане.

— Не слишком-то спокойная жизнь.

— Точно, я уходил всякий раз, когда начинало казаться, что пускаю корни.

— А как же уверенность в завтрашнем дне?

— Зачем уверенность, когда есть внутренний покой.

Я приняла это за шутку и засмеялась, однако Джесс смотрел на меня очень серьезно — не думала, что он может быть таким.

— Далеко на востоке есть люди, у которых за душой нет ничего, только одна миска и одна рубашка, и они без страха бросаются в пучину жизни, не боясь утонуть. У них больше уверенности в завтрашнем дне, чем у нас с тобой. Я американец до мозга костей и не могу бросить все, но они могут, и это дает мне уверенность.

Джесс на секунду замолчал, а потом подмигнул и попросил:

— Только Гарольду не говори, он считает, что это коммунистические бредни.

— Ты ему рассказывал?

— Пытался, когда он спросил, пойду ли я в церковь.

— Ты же был там сегодня.

— Был, ибо узрел письма на стене, — усмехнулся Джесс. — Они гласили: «Помалкивай».

Раздался шум мотора и шорох гравия, я вскочила и выглянула в окно. Приехал Марвин Карсон и с ним Кен Лассаль. Вдалеке виднелся наш пикап, Тай возвращался вместе с Гарольдом, Питом и Лореном. Джесс поднялся и встал рядом со мной вплотную. Я напряглась — его рука легла сзади на мою шею.

— Кофе готов. Все будет хорошо. Жизнь прекрасна. Изменения к лучшему, — шепнул он.

Мужчины начали собираться: громко обсуждали всходы кукурузы, топали, снимали сапоги, наливали кофе. В воздухе витала надежда. Я прошла в гостиную, там из окна виднелся дом сестры, он стоял как раз напротив, через дорогу. Пэмми и Линда дружно что-то рассматривали в канаве. Роуз придерживала одной рукой заднюю дверь (в другой у нее было блюдо с кофейным кексом) и что-то говорила мужу, который зачем-то забежал домой, вернувшись с Таем. Вскоре он вышел, и они вместе направились к дому отца. Роуз засмеялась, откинув голову, в ответ на реплику Пита, и я раскрыла окно, чтобы послушать ее смех. Они выглядели счастливыми. Подходя к парадной двери, Роуз все еще улыбалась.

Она вручила мне блюдо с кексом, и я отнесла его на кухню гостям. На темном обеденном столе уже разложили документы, пестрящие красными

галочками там, где нужно поставить подпись. Они напомнили мне крупные бледные грибы, которые выросли за одну ночь после дождя, — одновременно удивительные и жуткие. Все хлопали Тая по плечу и говорили про разведение свиней. Я собрала в аккуратную стопку валяющиеся журналы «Ридерс дайджест». Папа даже не подумал привести дом в порядок перед приходом гостей, возможно, потому что гостей сюда не звали уже лет двадцать пять.

Отец в тот день вел себя странно и только с Гарольдом препирался как обычно. Откуда-то узнав, что трактор был взят в кредит, он с издевкой заявил соседу:

— Да, теперь я буду посиживать, наблюдая, как другие вкалывают, а тебе придется пахать на своем тракторе в поте лица, чтобы выплатить заем. И мотор там наверняка тарахтит так, что даже твоего хваленого радио не слышно.

Гарольд покорно кивал, не переставая, однако, улыбаться как безумный — в общем, как и все прочие, кроме Кена Лассаля. Но того бросила жена в Рождество, уехав работать в мегаполис, так что его сумрачный вид никого не смущал.

А что же я? Я тоже счастливо улыбалась, как и все. У меня всегда было легко на душе, когда отец находился в хорошем настроении, а тогда он смеялся и хлопал Тая по плечу. Я еще никогда не видела его таким веселым.

— Ну что, Кен, приступим, — предложил он.

— Давай немного подождем, Ларри, — ответил тот и посмотрел на парадную дверь.

Я тоже повернулась туда и увидела Кэролайн, шедшую к дому. По ее лицу было видно, что она

настроена миролюбиво. Отбросив последние сомнения, с легким сердцем я открыла ей дверь — однако войти сестра не успела. Отец резко оттеснил меня и захлопнул дверь прямо перед ее лицом, затем взял Кена под руку и рявкнул:

— Приступим!

Все молча прошли в столовую. Подписав бумаги, я тихо, чтобы не заметил отец, подошла к парадной двери и выглянула наружу. «Хонды» Кэрролайн нигде не было.

КНИГА ВТОРАЯ

8

Отец был дружен с Кэлом Эриксоном, но хозяином его считал паршивым. Оглядываясь назад, я с удивлением обнаруживаю, насколько сильно соседи повлияли на мои взгляды и мечты. Эриксоны занялись сельским хозяйством в зрелом возрасте, уже будучи женаты. Кэл окончил военную академию в Вест-Пойнте по специальности «инженер-строитель», участвовал во Второй мировой войне и был ранен. Проведя год в госпитале, получил расчет или наследство — в общем, какие-то деньги, на которые смог по-родственному выкупить ферму у своей престарелой кузины. Жена Кэла, Элизабет Эриксон, родом из пригорода Чикаго. Ее родители разводили лошадей, и она отлично держалась в седле, и, вероятно, в ее глазах это служило достаточной подготовкой к сельской жизни.

Хозяйство Эриксонов напоминало скорее зоопарк, чем традиционную ферму. Помимо свиней, молочных коров, мясного скота и овец, они держали пони, собак, кур, гусей, индюшек, коз, а также песчанок, морских свинок и кошек, которых пускали в дом. Еще у них жили два волнистых и один

большой попугаи. Они очень любили зверей. Своих трех собак — колли, немецкую овчарку и йоркширского терьера — мистер Эриксон дрессировал и обучал разным трюкам. Овчарка удерживала на носу спичечный коробок, подкидывала его в воздух и ловила зубами. Терьер делал сальто назад. Колли приносила домочадцам вещи из их комнат, подбирала с пола мусор и выбрасывала его в ведро, если ей велели «навести порядок». Но интересней всего было смотреть, когда собаки одновременно, как на параде, шагали, ложились, сидели, снова ложились и переворачивались по команде хозяина.

Мистер Эриксон любил и умел обращаться с животными, а вот к технике даже не приближался. И мой отец, чье образование ограничивалось местной школой, усматривал в этом полную бесполезность учебы, потому что «этот так называемый дипломированный инженер даже трактор починить не может». Кэл Эриксон действительно с техникой не ладил, однако нашел отличное решение: предложил Гарольду Кларку и моему отцу чинить его машины в обмен на свежее молоко, сливки и мороженое, которое его жена отлично делала, а мы очень любили.

Отец и Гарольд Кларк считали Кэла Эриксона плохим хозяином. Он распылялся и никогда не следил за рынком, возмущались они, а делал только то, что ему хотелось. Округ Зебулон — не лучшее место для разведения молочного скота, поблизости нет ни одной сырной или масляной фабрики. Однако, если уж задался такой целью, следует построить автоматизированный доильный зал на сотню коров, чтобы каждый день за молоком приезжал

грузовик. Или держать только джерсейских и гернзейских коров, чтобы продавать сливки — в Мейсон-Сити есть компания по производству мороженого, туда можно сдавать весь надой. Однако у Эриксонов было всего двенадцать голштинских и одна джерсейская корова, которых они доили вручную и, похоже, вообще держали «для собственного удовольствия», как с ухмылкой говорил отец. Поводов для недовольства соседом находилось немало: его куры и утки разгуливали по дороге, индюшки разбежались в грозу. В сенокос всем приходилось помогать Эриксонам заготавливать сено для животных, тогда как по уму надо бы купить современную силосную башню, на которую у соседей не имелось денег, либо тогда уж избавиться от животных. Отец осуждал притязания Кэла, который хотел жить в свое удовольствие, при этом зарабатывал лишь на самое необходимое и на выплату кредита.

Перед моим отцом стояла совершенно другая цель: все его существование подчинялось постоянному труду и строгой экономии, которые не часто, но все же увенчивались покупкой новых земель или улучшением старых. Впрочем, его консерватизм касался лишь финансовых вопросов, любые новые хозяйственные методы, способные увеличить производительность, он принимал на ура. В 1957 году в аграрной газете штата вышла статья под названием «Зачем фермерам самолеты?». Ее сопровождали фотографии нашей фермы, которую с воздуха опрыскивали от кукурузного мотылька, а ниже приводились слова моего отца: «Старые методы себя изжили. Тот, кто освоит новое, будет процве-

тать; остальные разорятся». Говоря это, он явно по-смастривал через дорогу на дом соседей.

Наш катехизис, будь он написан, звучал бы так:

«Кто такой фермер?»

Фермер — это труженик, который кормит весь мир.

Каков первый долг фермера?

Выращивать больше еды.

Каков второй долг фермера?

Покупать больше земли.

Что отличает хорошую ферму?

Чистые поля, аккуратно покрашенные постройки, завтрак в шесть, нет долгов, нет стоячей воды.

Как понять, что перед тобой хороший фермер?

Он никогда ни о чем не просит».

В недрах нашей земли были проложены трубы, отводившие воду, а на ее поверхности не осталось никаких неровностей, поля казались плоскими, как обеденный стол, — и то и другое являлось абсолютной необходимостью, потому что вода моментально заполняла любые углубления, больше просачиваясь, чем растекаясь. Все старые протоки пришлось засыпать и запахать. Вода по трубам сливалась в дренажные колодцы, уходившие в почву на триста футов и выкопанные повсюду (только вокруг нашей фермы насчитывалось семь штук). Хорошим фермером считался тот, кто очищал водосборники каждую весну и красил решетки колодцев раз в два года.

Моя мама относилась к Эриксонам совершенно иначе. Она часто заглядывала к ним в гости: каждое утро заходила к Элизабет на кофе, делала вместе с ней заготовки или готовила арахис в караме-

ли. Мы с Рути в это время сидели на полу и шили наряды для кукол, а Дина и Роуз в одних трусиках переливали воду из кастрюлек и чашек на крыльце. В доме у соседей всегда царила спокойная, гостеприимная атмосфера, которую мама очень любила, но вот воспроизвести у нас не могла. Помню, она говорила: «Дома всегда полно дел, и я не могу отвлечься от них, даже когда приходят гости, а вот Элизабет умеет». При этом она обычно качала головой, будто ее соседка обладала волшебным даром.

Пусть это вслух и не говорилось, все мы хорошо понимали: рано или поздно Эриксоны разорятся из-за своих причуд и несерьезного отношения к работе. Мама осознавала это не менее ясно, чем остальные, хоть и с долей грусти и сожаления. У соседей не было ни преемственности, ни дисциплины. Пока они дрессировали собак и делали мороженое, мы упорно и планомерно трудились для достижения серьезной цели. Какой? Мой отец никогда не говорил, что хочет, к примеру, заработать много денег, создать крупнейшую ферму в округе или расширить владения до круглой цифры в тысячу акров. Никогда не проявлял желание обеспечить своим детям безбедное будущее, оставив хорошее наследство. Он вообще никогда не выражал никаких желаний и хотел только работать, собирать богатый урожай и не позориться перед соседями.

С нескрываемым отвращением говорил он о земле, которая встретила его предков, приехавших в Америку, — покрытая малярийными болотами, заросшая камышами, кишашая москитами, пиявками, змеями и саламандрами. Зимой 1889 года она раскинулась перед ними как гигантский

каток на десять миль восточнее Кэбота вплоть до Колумбуса. А вот мне нравилось, что предки решились сняться с насиженного места и отправиться за океан претворять в жизнь туманную американскую мечту. Я любила семейную шутку про дедушку Кука, который сумел разглядеть возможности там, где остальные видели лишь надувательство. Отец же, в отличие от предков, видел не возможности, а их отсутствие, и учил нас тому же на примере Эриксонов: учил держать ферму в порядке, а себя в строгости, отказываясь от многих вещей, главным образом — от безобидных причуд и житейских удовольствий.

У Эриксонов мне нравилось, я дружила с Рути. Одно из первых воспоминаний детства — мы сидим с ней на корточках на решетке дренажного колодца и просовываем камешки и ветки в узкие отверстия (мне, наверное, года три, потому что я в сарафане в красно-зеленую клетку, а Рути чуть меньше — она в розовой сорочке). Нас завораживал звук струящейся воды в темной глубине колодца. До сих пор, когда я вспоминаю об этом, меня охватывает чувство тревоги, но не за наши жизни, совсем нет. Тревоги перед лицом неумолимого времени. В своей детской беспечности мы балансировали на тончайшей паутине над бездной прошедших эпох, обратившихся в камень: висконсинский тилл, миссисипский карбонат, девонский известняк. Нашим жизням ничего не угрожало (отец регулярно проверял решетки), но они казались ничтожными и мимолетными. Это воспоминание живет в моей памяти как выцветшая фотография безымянных детей, повзрослевших или давно умерших — без-

возвратно канувших в темную глубину колодца времени.

За то, что мы с Рути убегали от дома, переходили дорогу и взбирались на решетки, нас строго наказывали — как именно, уже не помню, зато отчетливо вижу сердитое мамино лицо и ее передник с нашитым на нем желтым сомбреро. Вижу и сосредоточенный взгляд Рути, ее пальцы, выпускающие что-то в темноту колодца. Помню чувство беспредельной любви к ней.

Мне не запрещали бывать в гостях у Эриксонов, и я к ним ходила: смеялась над трюками, которые выполняли собаки, ела мороженое и сладкие пироги, каталась на пони или сидела без дела на диванчике у окна в комнате Дины. При этом где-то в глубине души я знала: совершая все это, я отступаю на шаг назад, деградирую. Знала я и то, что, приглашая Рути к себе, делаю ей одолжение, позволяя формировать характер (чем бы мы ни занимались), хотя вслух это, конечно, никогда не прозносилось.

Размолвка отца и Кэролайн меня опечалила, но не менять же из-за нее налаженный ход жизни. Так что в следующий вторник после подписания документов, когда пришла моя очередь звать папу на ужин, я приготовила все как обычно: свиные отбивные в томате, жареную картошку, салат и два или три вида маринованных закусок. Приличный кусок пирога с бататом остался с выходных.

У нас папа ужинал по вторникам, у Роуз — по пятницам, однако даже эти редкие визиты он старался поскорее свернуть. Приходил ровно в пять

и сразу садился за стол. Поев, выпивал чашку кофе и тут же отправлялся домой. Пару раз в год нам удавалось уговорить его ненадолго остаться, чтобы вместе посмотреть телевизор. И если нужная программа начиналась не сразу, то он ходил из угла в угол, не находя себе места.

Отец никогда не бывал в квартире Кэролайн в Де-Мойне, никогда никуда не ездил без необходимости, кроме сезонной ярмарки, и терпеть не мог гостиниц. Рестораны он тоже не любил. В городское кафе заезжал пару раз, да и то чтобы пообедать, а не посидеть и поболтать. Против пикников и вечеринок с жареным поросенком он не возражал (если их устраивали другие), но вот ужинать предпочитал дома за кухонным столом, слушая радио. Тай утверждал, что на самом деле папа не такой уж замкнутый и независимый, как кажется, но, подозреваю, опирался он не на реальные факты (потому что их не было), а судил об отце, сравнивая его с другими. Любые попытки нарушить привычный уклад папа принимал в штыки: реши я приготовить курицу вместо свинины, подать кекс вместо пирога и не поставить на стол маринады, на меня бы немедленно обрушилось его недовольство.

Роуз утверждала, что виновата мама: мол, по-такала его вкусам. Впрочем, как все было на самом деле, мы не помним и теперь уже не узнаем. В моих воспоминаниях образ отца полностью заслонил собой все прочие лица и обстоятельства, однако я ничего о нем не помню из того времени, когда еще жива была мама.

За ужином Тай только и говорил, что про разведение свиней. Он уже позвонил в компанию по

производству свиinarников в Канзасе, и те выслали по почте каталоги.

Отец положил себе маринованных огурцов.

— Там щелевые полы с системой автоматической промывки, даже один человек легко справится с уборкой, — расписывал Тай.

Отец не проронил ни слова.

— Тысячу свиней откормим влегкую. Марв Карсон сказал, что теперь на свинине можно отлично заработать, не то что в восьмидесятых.

Отец продолжал молча жевать мясо.

— Роуз хочет постирать занавески со второго этажа, — вставила я. — Она говорит, что их уже два года не стирали, я не помню точно.

Отец терпеть не мог, когда нарушался привычный порядок в его доме. Я добавила:

— Мы достали маринованную цветную капусту и брокколи. Ты же любишь.

Отец принялся за картошку.

Я сказала Таю:

— Мы тут завтракали с Марвином. Представляешь, он все ест по отдельности в определенном порядке и под конец требует соус табаско, чтобы пропотеть. Он так токсины выводит.

— Он так мозги себе выведет. Вечно у него какие-то заскоки, — фыркнул Тай.

— Теперь он все здесь решает, — осадил его отец.

— Почему? — удивилась я.

— С недавнего времени Марвин Карсон — ваш хозяин. Поуважительней.

— Как по мне, так он вообще малахольный, но это между нами. Я, конечно, ничего не имею про-

тив: он местный и фермеров не обманывает. Но почему он до сих пор не женат? — не унимался Тай.

— У него есть деньги в банке, — отрезал отец. — Не всякий может этим похвастаться.

Он вытер губы и огляделся. Я убрала грязную тарелку и подала пирог.

— Могу посадить завтра бобы в углу Мэла, — предложил Тай.

— Делай что хочешь, — буркнул отец.

Мы с Таем переглянулись.

— В тракторе карбюратор барахлит, сейчас некогда этим заниматься, но что-то мне звук не нравится, — заметил Тай.

— Я же сказал, делай что хочешь.

Я облизнула губы. Тай отодвинул свою тарелку, я поставила ее в раковину и подала мужу пирог, выключила кофе, который уже начал закипать, и налила отцу.

— Ладно, — проговорил Тай, — рискну.

— Может, останешься, папа? Посмотрим телевизор, — предложила я.

— Нет.

— Найдем что-нибудь интересное.

— Нет. Дела.

Как обычно. Я посмотрела на мужа, тот чуть заметно пожал плечами.

Отец допил кофе и поднялся из-за стола. Я проводила его до двери и сказала:

— Звони, если что-то понадобится. Может, останешься?

Я всегда так спрашивала, и обычно он не отвечал. В тот раз тоже не ответил. Я наблюдала, как он забирается в свой грузовик и выезжает со двора.

— Все как обычно, — заметил Тай у меня за плечом.

— Я тоже об этом подумала.

— Он и раньше так говорил, чтоб я сам решал. Не часто, но бывало.

— Думаю, он даже рад передохнуть, особенно после тяжелой посевной.

— Точно.

На следующий день я сажала помидоры. Рассаду выгоняет Роуз у себя в теплице, а потом отдает мне. В тот раз у нее взошло не меньше сотни кустов. Посадки были для меня делом привычным и любимым. Следуя давно выработанному ритуалу, я втыкала ростки в приготовленную смесь торфа, костной и люцерновой муки, а затем закрывала их старыми консервными банками со срезанным дном, чтобы защитить от гусениц и палящего солнца. Обкладывала по кругу страницами из городской газеты и присыпала прошлогодней травой. Год за годом ходили разговоры о том, чтобы отвезти часть урожая помидоров в Форт-Додж и Эймс и продать на фермерском рынке, однако вместо этого мы каждый раз закатывали все, что удалось вырастить. Получалось около пятисот кварт превосходного томатного сока, который мы пили всю зиму.

Я откинула волосы, вытерла рукавом нос и только собралась приняться за дело, как заметила Джесса Кларка. Он сидел на низкой изгороди напротив и улыбался. На нем были дорогие кроссовки, хлопковые шорты и футболка участника забега на десять километров. Хотя прошло уже много лет, для меня он так и остался младшим соседским

мальчишкой. Его я ничуть не стеснялась, в отличие от других мужчин.

— Ну, что там дальше? — бросила я ему, словно наш воскресный разговор и не заканчивался вовсе.

Джесс внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Лорен тут заявил: «Что же ты не женился? Поговаривают, на западе ничего так девчонки. Ничего так...»

Мы засмеялись. Потом Джесс замолчал, пристально посмотрел мне в глаза и добавил:

— У меня ведь была невеста. Погибла в автокатастрофе.

— Когда?

— Шесть лет назад. Ее звали Элисон, ей было всего двадцать три года.

— Ужасно. Прости...

— Два года я пил, не просыхая. В Канаде не проблема найти собутыльников.

— Нигде не проблема.

— Да, но там не стыдятся — там просто пьют.

— На вечеринке ты даже не притронулся к спиртному.

— Во вторую годовщину ее смерти я выпил две бутылки виски и чуть не сдох. С тех пор не беру в рот ни капли, даже пиво перестал пить.

— О Джесс... — Я чуть не задохнулась от жалости к нему. Все его рассказы о жизни в большом мире казались мне ужасающими.

Я взяла второй ящик с рассадой. Выкопала глубокую лунку, насыпала в нее удобрения, отделила один кустик, аккуратно оборвала нижние листья и воткнула в землю — у помидоров корни растут по

всей подземной части стебля, благодаря чему они переносят любую непогоду. Выпрямилась и взглянула на Джесса, он смотрел на меня серьезно и сосредоточенно.

— Расскажи еще, — попросила я.

— У Элисон были непростые отношения с родителями — те из Манитобы, очень религиозные. Когда она уехала в Ванкувер, они отреклись от нее. Это давило на нее все больше и больше. Она доверяла людям, всегда такая добрая, открытая, внимательная. Не знаю, может, и не несчастный случай. Она вылетела на встречу, прямо под колеса грузовика. В ее состоянии похоже на самоубийство, но вряд ли она стала бы подвергать риску чужие жизни.

Я бросила сажать, села на корточки и уставилась на Джесса, широко открыв глаза. Он улыбнулся и добавил:

— Пожалуйста, сажай, мне так проще рассказывать.

Я принялась копать следующую лунку.

— После смерти Элисон, — продолжал он, — я напивался и названивал ее родителям из баров, угрожая приехать в Манитобу и прирезать их. Они никогда не бросали трубку, всегда слушали до конца, иногда даже вдвоем по параллельным линиям. Пока я их проклинал, они молились за меня. Не думаю, что их мучила совесть. Я перестал им звонить, когда бросил пить.

Я опять подняла на него глаза, а он широко улыбнулся и заявил:

— Теперь я наполнен светом и спокойствием. И любовью к жизни.

— Вижу, — кивнула я и выкопала еще одну лунку, а потом решила: — Ты выглядишь моложе, чем Лорен, но лицо у тебя старше. Жестче. Или опытнее.

— Правда?

— Мне так кажется.

— А мне кажется, что ты выглядишь моложе Роуз.

Я ничего не ответила. Мысль, что он рассматривал меня, неожиданно смутила и напугала.

— Какой она была, твоя... Элисон?

— Большинство бы посчитало ее простоватой. Крепкая, неуклюжая, неулыбчивая. Но любовь ее преображала.

Я недоверчиво посмотрела на Джесса — он что, шутит?

— Я не шучу, — добавил он, заметив мой взгляд. — У нее были красивые глаза и улыбка. Когда мы занимались любовью... Когда она чувствовала себя счастливой, ее лицо расцветало. И движения наполнялись грацией, когда она переставала стесняться своего тела.

— Как же ты это разглядел?

— Мы работали вместе в службе доверия. Я не сразу в нее влюбился. Долго приглядывался.

— Мечта всех серых мышек, что найдется тот, кто разглядит красоту за заурядной внешностью.

— Знаю.

Повисло молчание, я продолжала выкапывать лунки и втыкать в них помидоры.

— Роуз еще не оправилась после операции, до болезни она выглядела гораздо лучше, — заметила я.

— Какой болезни?
— Лорен и Гарольд ничего тебе не сказали?
— Про операцию? Нет, — покачал головой
Джесс.

— Досадно...
— Почему?
— Будто для них это — мелочь, о которой даже упоминать не стоит. У Роуз нашли рак груди. В феврале сделали мастэктомию.

— Подозреваю, они и слов-то таких не знают. — Джесс улыбнулся.

Уткнувшись в следующую лунку, я спросила:

— А что они сказали тебе о маме?
— Умерла от рака.
— Сначала у нее тоже обнаружили рак груди, а потом — лимфому.

— Теперь твоя очередь рассказывать.

— О чем?
— О маме.

Вся округа единодушно осуждала Джесса Кларка за то, что он так и не появился, когда его мать Верна умирала. Я тоже, и потому мой вопрос прозвучал довольно резко:

— Уверен, что хочешь знать?
— Нет.
— Тебе решать.
— Все было так плохо? — спросил Джесс.
— Лимфома почти не причиняет боли. Твоя мама чувствовала легкое недомогание в течение пары месяцев, но к доктору идти наотрез отказывалась. Лорен едва ли не силой отвез ее в больницу, там поставили диагноз. Через две недели ее не стало. Долго она не мучилась.

— Почему же ты спрашивала, хочу ли я знать?

Я чувствовала вкус пыли на губах.

— Она ждала тебя. По словам Лорена, до последнего ждала, что ты появишься или хотя бы позвонишь.

— Мне никто не сообщил.

— Она запретила. Надеялась на духовную связь. Рассказывала, что, когда ты был маленьким, ей даже не приходилось тебя звать, стоило только подумать, и ты являлся. До самого конца она надеялась, что ты ее почувствуешь. Я понять не могла, почему Гарольд и Лорен не позвонили тебе вопреки ее запретам. Оказалось, не смогли тебя найти. Лорен звонил в Ванкувер Джесси Кларк, но та оказалась женщиной.

— Как она уходила?

— А ты как думаешь? В тоске и горе.

Джесс ничего не ответил, я продолжала сажать. Солнце уже стояло высоко, время близилось к полудню, а у меня еще оставалось двадцать пять кустов в ящике. Я отодвинула их в тень и полила водой. Возможно, я была слишком резка с Джессом, но я прекрасно помню, как умирала моя мать. Мне тогда едва исполнилось четырнадцать. Она лежала в гостиной, и мы с Роуз ухаживали за ней два месяца. Дежурили по очереди: я приходила в школу на два часа позже, а Роуз уходила на два часа раньше. Не знаю, есть ли на свете что-то более тяжкое и весомое, чем смерть матери. Все мы думали, что Джесс Кларк должен приехать. Просто обязан, какой бы тюремный срок ни ждал его при пересечении границы. Так повторял Гарольд, и я до сих пор

с ним согласна. Я облизнула губы, пересохшие от опаляющего гнева.

— Не сработала духовная связь, да? — бросила я.

— Она умерла в ноябре семьдесят первого?

— Сразу после Дня благодарения.

— Ничего не чувствовал, — покачал головой Джесс. — Жил на маленьком острове, даже без телефона.

Голос его звучал ровно, но лицо исказилось болью и гневом.

— В этом недостаток телепатии — связь на линии то и дело обрывается, — выдавил он и невесело рассмеялся, откинув голову и почти задыхаясь. Я не могла оторвать от него взгляда: ни у кого из знакомых мужчин не видела я такого выразительного лица. Вокруг носа и глаз пролегли глубокие морщины, углы губ опустились, глаза потемнели, брови сдвинулись.

— О боже...

— Джесс? Ты в порядке? Почти восемь лет прошло.

— Я так злился на нее! — воскликнул он. — В первый год я писал ей дважды. Она ведь тоже войну не одобряла. Но она не ответила. Всего одно письмо или открытка! Чтобы я знал, что она не осуждает или хотя бы думает обо мне! В Ванкувере тогда было полно парней, скрывающихся от призыва или сбежавших из армии, их семьи гордились ими как героями или, на худой конец, поддерживали. Присылали письма, посылки. От Гарольда я ничего не ждал, а вот на нее надеялся. Мне ведь только исполнилось восемнадцать! Сейчас я смотрю на